

МЫ НИКОГДА НЕ БЫЛИ ДОМА

МАКСИМ Д. МАЛЬКОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0008-2495-1923>

Рекомендация для цитирования:
Мальков М. Д. (2026) Мы никогда не были дома. *Социология власти*, 38 (1): 107-132
EDN: LQIECE

For citation:
Malkov M. D. (2026) We Have Never Been Home. *Sociology of Power*, 38 (1): 107-132

Поступила в редакцию: 14.09.2025;
прошла рецензирование: 06.12.2025;
принята в печать: 11.01.2026
Received: 14.09.2025; Revised:
06.12.2025; Accepted: 11.01.2026

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: В контексте исследований заботы часто возникает вопрос о доме — в зависимости от его концептуализации, акценты в социальной политике могут быть расставлены по-разному. В статье подвергается критическому анализу концепция «обладания» домом. Эта концепция формируется на основе нескольких логик представлений о доме: с одной стороны, дом понимается как физическое пространство, которое можно наполнять или опустошать, терять и обретать, переустраивать и менять; с другой — дом понимается как пространство, наделенное символическим или эмоциональным значением, которое обживается человеком. И в том, и в другом случае результатом является фиксация момента, когда человек становится «владельцем» своей версии дома, и именно в этой точке дискуссия о доме зачастую завершается. В статье демонстрируется, что «дом» является результатом трансформаций и смещений инфраструктур, а не стабильным физическим пространством, обеспечивающим онтологическую безопасность. Рассматривается идея темпорализации дома и предлагается концепт «вне-домности», который смещает акцент от дихотомии дом/бездомность к множественным версиям дома как динамическому осуществлению. Такой подход позволяет учитывать не только материальные условия, но и воспоминания, ритуалы, способы обживания пространства, практики по синхронизации с другими людьми и (не)материальными объектами. Понятие вне-домности демонстрирует ограниченность проектов, сводящих помощь бездомным лишь к обеспечению жильем, и подчеркивает необходимость анализа того, как дом динамически пересобирается даже после обретения человеком крыши над головой.

Ключевые слова: дом, бездомность, вне-домность, одомашнивание, пространство, инфраструктура, социальная политика

We Have Never Been Home

Maksim D. Malkov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0008-2495-1923>

Abstract: In care research, the notion of “home” often emerges as a key concern, with its conceptualization shaping social policy priorities. This article critically examines the idea of “possessing” a home, which is framed in two main ways: as a physical space that can be inhabited, modified, lost, or reclaimed, and as a site imbued with symbolic or emotional meaning, domesticated through human engagement. Both perspectives tend to fixate on the moment a person becomes the “owner” of their version of home, often bringing discussions to an early close. The article argues that home is not a stable physical space offering ontological security or affective attachment, but rather the outcome of ongoing infrastructural and social transformations. It introduces the concept of “beyond-homeness”, shifting attention from the home/homelessness binary toward multiple, dynamic enactments of home. This framework accounts for material conditions as well as memories, rituals, spatial practices, and forms of synchronization with others and with (non)material objects. By doing so, it exposes the limitations of interventions that reduce support for the homeless to housing provision alone and emphasizes the need to consider how home is continuously reassembled even after shelter is acquired.

Keywords: home, homelessness, beyond-homeness, homemaking, space, infrastructure, social policy

108

Введение

Можно задать вопрос: зачем нужен еще один текст о доме? Ответом на этот вопрос будет статья, где я попытаюсь очертить парадокс, который постоянно воспроизводится в контексте исследований бездомности. На мой взгляд, этот парадокс препятствует реконцептуализации дихотомии дом/бездомность и, как следствие, сильно ограничивает исследователей и практиков в сфере помощи бездомным людям.

О каком парадоксе идет речь? С одной стороны, в дискуссиях постоянно проблематизируется статус дома (Somerville 1992; Mallett 2004; McCarthy 2020; Cheshire, Easthope, Have 2021; Lancione 2023) и признается, что подходов к его концептуализации существует множество — как в исследовательской литературе, так и в повседневной жизни. С другой стороны, когда речь заходит о бездом-

ности, проблематичность определения дома сразу маскируется: первичным становится определение дома как физического пространства, а главной задачей для социальных работников или представителей НКО — оказание многоуровневой помощи для обретения дома бездомными людьми. Яркий пример — это программа Housing First, в центре которой находится идея доступности жилья (Woodhall-Melnik, Dunn 2016; Казакова 2020).

Такую противоречивую ситуацию можно объяснить довольно логичной позицией. Кажется не очень этичным в критических ситуациях, таких как бездомность, вдруг вопрошать о том, а что же такое дом: материальные конструкции, отношения с близкими людьми или, может, эмоциональные аффекты, связанные с пространством? Нужно экстренно реагировать на жилищные ситуации, которые угрожают жизни, а рассуждать о концептуализациях дома при таких обстоятельствах неуместно и жестоко. Поэтому в дискуссиях постоянно воспроизводится дихотомия дом/бездомность, где обретение дома, пусть и с оговорками, признается желаемой целью интервенций социальных работников, государства, благотворительных организаций, а также самих бездомных людей. Проблематизировать «дом» возможно только из позиции обладания им¹.

109

В статье я критически рассмотрю идею «обладания» домом². Как я буду утверждать в дальнейшем, эта идея подпитывается двумя

- 1 Подобный парадокс можно обнаружить и в других дискуссиях. Например, романтизация позицииномада, который может свободно пересекать границы, быть мобильным и не зависеть от фиксированных мест работы или досуга, возможна, только если мы рассматриваемномада как субъекта, *отказавшегося* от укорененности и имеющего возможности для беспрепятственных перемещений. Как указывает Стивенс, метафоры «текучести» и «флюидности» зачастую отражают нечто прогрессивное: ««фиксированное» неизменно соответствует консервативному и нормативному, тогда как «текучее» ассоциируется с позитивным, прогрессивным, сопротивляющимся» (Stephens 2014, p. 186). Однако «прогрессивность» текучести и мобильностиномада напрямую связана с его социоэкономическим положением: мой приятель диджитал-номад с ежемесячной зарплатой, равной 25 прожиточным минимумам в России, — не такой же номад, как беженец или бездомный человек, которым для поддержания своей мобильности необходимо ежедневно бороться за жизнь, искать средства заработка и ночлег. Таким образом, опыт мобильности как желаемый, раскрепощаемый или субверсивный возможен только в определенной позиции, где человек изначально имеет возможность выбирать степень своей мобильности.
- 2 Пьер Бурдьё приводит пример ситуации, когда «можно физически занимать жилище, но, собственно говоря, не жить в нем» (Бурдьё 2005, с. 59). Когда алжирские семьи, жившие в трущобах, получают жилье, которое расположено в элитном районе Парижа, то они не могут поддерживать тот стиль жизни, который предполагает этот район. Физически эти люди жи-

группами концептуализаций дома, где обладать домом = либо обрести его физическую версию, либо наполнить символическим/аффективным смыслом какое-либо место, тем самым «одомашнивая» его (или и то, и другое сразу). Результат и тех, и других концептуализаций — это фиксация момента, где человек становится обладателем своей версии «дома», и на этом моменте дискуссия о доме прекращается. На мой взгляд, понятие вне-домности, к которому я обращаюсь в конце текста, может помочь преодолеть недостатки подобных концептуализаций, демонстрируя непрерывность сборки дома.

110 Почему вопрос о концептуализации дома вообще может быть поставлен в рамках социологического теоретизирования? Как показывает Рэйвин Коннелл, на «классиков» дисциплины не просто опираются или встраивают свои теории/исследования в их традиции — канон в целом определяет, какие вопросы могут или не могут быть заданы в социологической теории (Connell 1997, p. 1512; Коннелл 2023). Показывая проблематичность этой логики теоретизирования, Коннелл призывает к переизобретению социологии, не заикленной на отцах-основателях и вечно интерпретирующей сформулированные ими вопросы. От интерналистской логики, в которой вопросы «классиков» словно герметично существуют в отрыве от практик и контекстов, их порождающих, Коннелл предлагает сместить внимание к проблематизации существующих условий теоретизирования, привлекая внимание к гендерным, расовым, колониальным измерениям человеческих отношений. Проблемы миграции (Ahmed 1999), бездомности (Байбакова, Гаринова 2024), жилищного стресса (Шилова 2025) демонстрируют, что разговор о человеческом субъекте в отрыве от дома — это разговор об изолированном субъекте, отсеченном от отношений и своей повседневности. При этом решение этих проблем, как правило, сводится к поиску вариантов *обретения*¹, *возвращения* или *переустройства* дома, т. е. поиска фикса-

вут рядом с французскими буржуа, но социально они сильно удалены друг от друга. Иначе говоря, мало получить физическое жилье, чтобы «обрести дом». Бурдые связывает эту ситуацию с понятием габитуса, однако далее я покажу, что дело не ограничивается социальным положением, наличием нужных капиталов или ментальных структур — даже если люди окажутся в жилище «на своем месте», процесс сборки «дома» не прекратится.

- 1 На полях отмечу, что философские концептуализации дома объединяет преимущественно пессимистичный взгляд на его обретение или возвращение. Дом может трактоваться как отсутствующий, а нахождение у себя дома — невозможным, по аналогии с идеей о невозможности совпадения субъекта с самим собой: «Никто не у себя дома. Памятование об этом рабстве сплачивает человечество. Различие, зияющее между мной и собой, несовпадение тождественного есть сущностное равнодушие к другим

рованного момента, когда можно утверждать, что человек обладает домом (хотя бы и временно). На мой взгляд, существующие трактовки дома являются преградой для продуктивной дискуссии в социальных науках о бездомности или миграции (и других ситуациях жилищной уязвимости), поскольку редуцируют дом к физическому пространству или практикам по одомашниванию/аффективным переживаниям, связанным с пространством.

Дом-контейнер

Одна из доминирующих трактовок дома основана на пространственной метафоре контейнера, который заполняется другими объектами и обживается, а границы этого контейнера проходят между внешней средой и внутренней. Эта пространственная трактовка может дополняться тем, что помимо физической границы между своим/чужим, внутренним/внешним, контейнер наполняется символическим смыслом и структурируется в соответствии с оппозициями (например, мужское/женское, светлое/темное и др. (Бурдые 2001, с. 530–531)). Пьер Бурдые в описании кабийского дома демонстрирует тесную связь дома с внешним миром и показывает, что люди превращают дом во «вместилище изобилия, приходящего извне» (Бурдые 2001, с. 531). При этом многочисленные правила, ритуалы и запреты, которые описывает Бурдые, демонстрируют неустойчивость и хрупкость дома, который всегда находится в ситуации риска, а самой большой опасностью для дома являются практики, приводящие к его опустошению (Бурдые 2001, с. 532). Опустошение, тем не менее, не может привести к исчезновению самого дома — дом может быть благополучным, изобильным, а может быть пустым, но он по-прежнему будет считаться домом, что опять указывает на контейнерную метафору. Полон контейнер или пуст, он все равно остается чем-то, что можно наполнить или опустошить. Бурдые указывает, что ключевой магической границей дома становится порог, являющийся «местом объединения противоположностей и одновременно местом логической инверсии», «местом, где мир переворачивается» (Бурдые 2001, с. 537–538). Дом — это мир наизнанку, микрокосм, где все оппозиции преломляются и оседают в физическом пространстве. В исследовании Бурдые

людям» (Левинас 2004, с. 653). Дом либо невозможен, либо безвозвратно утерян (Хуэй 2025, с. 31). Если говорить о доме, даже отсутствующем или невозможном, возникает вопрос о границах: между своим и чужим, приватным и публичным, укорененным и номадическим (Дуденкова 2024). Как я покажу в тексте, проблематичной является сама возможность проведения границы, где можно локализовать «дом».

физические параметры дома чувствительны к внешнему миру: они и отражают мировоззрение или мифы, и воспроизводят их, поэтому жилище является структурированным и структурирующим. В логике такого понимания дома внимание уделяется тому, как дом воспроизводит социальные отношения, становится первичной экономической структурой, распределяет блага между жителями дома и между разными домохозяйствами, поддерживает институты семьи или труда (Samanani, Lenhard 2019, p. 5). Несмотря на то что описание Бурдье нельзя перенести на любые дома в различных географических и исторических контекстах, я привожу этот пример как парадигматический — зачастую в исследованиях под домом понимается место, очерченное физическими границами, внутри которого нечто накапливается, распределяется и наполняется символическим смыслом.

112

Получается, что дом-контейнер всегда требует наполнения и поддержания этой наполненности. Возникает вопрос: мы имеем дело с *наполнением* пустого или *преобразованием* пустого? Александр Филиппов в исследовании Манежной площади пишет: «Трансформация пустого в наполненное — не то же самое, что наполнение пустого, подобно тому, как образование пустого — это не освобождение места, а преобразование места» (Филиппов 2009, с. 23). Он аргументирует, почему некорректно считать Манежную площадь стабильным пустым пространством, которое то застраивали, то расчищали. На деле Манежной площади в четко очерченных границах никогда не существовало — она всегда производилась как эффект пространственных и социальных изменений: разрушений и постройки зданий, расчистки дорог, расширений и сужений улиц, активизаций масс людей, интенсификации торговли. В чем отличие наполнения пустого пространства от трансформации пустого пространства? Первый процесс обратим — идея наполнения/опустошения предполагает, что чередование этих операций не затронет самого пустого пространства, оно может быть как наполнено, так и опустошено без изменений. Говоря словами Джона Ло, пространство сохраняет свою гомеоморфность, т. е. непрерывность своей формы (Law 2002, p. 94). В случае *трансформации* пустого, границы пространства меняются, рвутся, перестраиваются и гомеоморфность теряется — наполняя нечто, мы меняем не только содержимое, но и форму.

Концептуализация дома как контейнера предполагает идею «пустого пространства». Дом будто имеет четко очерченную физическую форму, и это пустое пространство дома наполняется или опустошается в различных ситуациях. Эти процессы обратимы и не затрагивают сам дом в его физических границах. У дома может меняться содержание, но сохраняться форма (ремонт, изменение состава жителей, новые аффективные привязанности к объектам

внутри), или меняться форма, но сохраняться содержание (выселение, бездомность, переезд)¹. Однако подчеркну, что во втором случае одна стабильная форма дома просто меняется на другую стабильную форму, к примеру, когда бездомный человек обустроивает подвал и очерчивает пространство как дом, с помощью объектов из прошлого дома или особых практик, которые маркируют разделение городского пространства на «дом» и «город» (Schneider 2022). Это означает, что сама герметичность формы сохраняется, дом не может существовать без гомеоморфности, где бы дом ни локализовывался. В центре внимания снова находятся именно физические границы дома как пустого пространства, ожидающего, что его наполнят. Опираясь на аргумент Филиппова, можно поставить вопрос: является ли дом «пустым пространством», или же дом не существует в четко очерченных границах, и то, что нам кажется заполненной содержанием формой, на деле является промежуточной конфигурацией, которая в будущем трансформируется?

Мы никогда не были дома

Несмотря на то что во многих исследованиях признается, что содержание или форма дома могут меняться, идея дома-контейнера привязана к идее пустого пространства, вне которого дом не может возникнуть. Именно такая трактовка дома легла в основу идеи современного буржуазного дома — материальная конструкция (контейнер) была наполнена множеством значений: дом стал считаться местом свободы, автономии, изоляции от внешних угроз, как природных, таких как опасные погодные условия, так и социальных — преступности или бездомности (Kaika 2004, pp. 265–266)². Однако,

113

- 1 Вот что одна из собеседниц Татьяны Колотиловой в ее исследовании релокации говорит о своем переезде: «Страна новая. Жизнь новая. Муж старый, вещи мои любимые тоже, развлечения те же, работа в ноутбуке — тоже старая. Наверное, сформулирую так, что форма дома новая, а содержание старое» (Колотилова 2024, с. 194).
- 2 Идеалы Просвещения, такие как порядок и стабильность, соотносились не только с домом, но и, к примеру, с представлениями о маскулинности, где «настоящий мужчина» должен был быть сдержан, спокоен и уравновешен, а образ женщины увязывался с разнузданностью, хаосом и беспорядком (Моссе, 2023, с. 156–163), хотя в то же время с феминностью связывались нежность и забота. Можно предположить, что эти идеалы хорошо соотносились с задачами «полов»: мужчины, несущие порядок и прогресс, должны были умирять хаос вне дома, на войнах и в политических спорах, а женщины из-за своих предположительно слабых характеров и мягкости души должны были посвящать себя дому и хозяйству. Несмотря на то что эти «идеалы» трансформировались со временем, в гендерной теории об-

чтобы быть местом безопасности, удобства, уюта и контроля, дому необходимо скрывать свою связь и зависимость от внешнего мира. К примеру, «наличие хорошей воды в доме зависит от существования целого ряда сетей и связей, как материальных (плотины, водохранилища, трубы), так и социальных (борьба за распределение воды, за политику ценообразования и приватизации), которые существуют за пределами домашней сферы» (Kaika 2004, p. 275).

Доступ к воде напрямую зависит от обладания домом: «без стабильного жилья или места работы доступ к воде и санитарным условиям становится все более нестабильным, затруднительным и/или невозможным» (Meehan K. et al. 2023, p. 2), что является острой проблемой, прежде всего, для бездомных. Однако в некоторых ситуациях и «обладания» домом недостаточно, чтобы иметь безопасный источник воды. Например, в исследовании поселений Бангладеш видно, как гендерные нормы структурируют доступ жителей к воде: «публичные пространства исторически воспринимались как мужские, а личные/домашние пространства — как женские» (Sultana 2009, p. 431). При этом многие источники воды, которые есть в домохозяйствах, небезопасны — женщинам требуется выходить из дома и идти в публичные пространства в поисках более чистой воды, а эта практика осуждается: «Страх потери чести и стыда, когда молодые женщины из бари (скопление домохозяйств) ходят за водой в явно публичные пространства или пересекают их, чтобы добраться до чужого колодца, действуют как факторы, препятствующие доступу семей к безопасной воде» (Sultana 2009, p. 432). Эта ситуация иллюстрирует невозможность локализации «безопас-

114

щим местом стало утверждение, что именно внутри нуклеарной семьи (т. е. «дома») формируется структура гендерных отношений, которая затем на макроуровне образует, пользуясь термином Р. Коннелл, гендерный порядок через воспроизводство власти, разделения труда и катексиса (Коннелл 2015). Любопытную связь между домом и гендерным порядком демонстрирует исследовательница Това Хейденстрад в своей книге об уличной бездомности в Санкт-Петербурге 1990-х. Общаясь с множеством гетеросексуальных пар, живущих без крыши над головой, она показывает, что их отношения не строятся на традиционных гендерных моделях (мужчина-кормилец/защитник, женщина-хозяйка/хранительница домашнего очага), а иногда эта модель инвертируется, и мужчина в паре выполняет стереотипно «женские» обязанности, в то время как женщина зарабатывает на жизнь. Когда одной из пар срочно потребовалось изменить свои жилищные условия, поскольку женщина забеременела, одной лишь идеи о будущем доме хватило, чтобы разрушить их отношения: ожидание будущего (временного) жилья сразу оживило рассуждения об обязанностях, которые будет необходимо разделить между ними в доме (Höjdestrand 2005, pp. 157–162).

ности» в одном пространстве — так, дом безопаснее для жительниц Бангладеш в контексте их взаимодействий с посторонними мужчинами, но становится источником опасности, когда речь заходит о доступе к чистой воде¹.

В дискуссиях о неравенстве часто возникает вопрос об иерархии его различных проявлений. Например, Дмитрий Куракин пишет: «Кем Вы работаете?» — это часто первый вопрос, интересующий людей при знакомстве, позволяющий составить общую картину того, кто перед нами и что от него можно ожидать. Однако в существенной степени этот вопрос попросту является “прокси” статусного положения вашего визави: именно положение человека в картине неравенства дает самую надежную информацию о том, с кем “в первом приближении” мы имеем дело» (Куракин 2020, с. 190).

Я не пытаюсь сказать, что на самом деле именно бездомность (в особенности уличная) является самым явным проявлением неравенства, однако отмечу, что вымышленный разговор, который описывает Куракин, скорее всего происходит между незнакомыми людьми, которые способны сохранять анонимность и до определенной степени не выдавать себя (Гофман 2000, с. 33). Как показывают исследования и даже просто опыт прогулки по большому городу, у уличных бездомных зачастую нет такой возможности: «Поскольку они лишены возможности обычным образом управлять своей публичной идентичностью, они лишены неочевидного, но, как мы считаем, крайне важного права на город: права на анонимность» (Langeegger, Koester 2016, p. 15). Такое положение бездомных еще раз подсвечивает важность исследования «дома» как одного из ключевых источников неравенства.

Иллюзия независимости дома строится на том, что все связи с «социальными» и «природными» процессами маскируются, хотя именно эти связи и конституируют его. Говоря словами Бруно Латура, дом становится результатом практик очищения. По Латуру,

1 Такой дом, скрывающий свою связь с «внешним» миром и локализирующий опасность вовне, возникает при сочетании двух последовательных операций: изгнания (expulsion) и извлечения (extraction) (Lancione 2023, pp. 46–47). Первая операция состоит в исключении, создании Другого/иного, путем проведения границы между своим и чужим, безопасным внутри и угрожающим снаружи. Вторая операция, которая следует за изгнанием, это операция извлечения, добывания легитимности и власти из дихотомии дом/не-дом, где дом наделяется значимостью и считается необходимым, желанным и определяющим статус человека. Например, кодификация «уличного бездомного» как определяемого именно опытом бездомности, жестко противопоставляется онтологической безопасности дома и тех, кто ее имеет. Статистика домашнего насилия, в том числе и в России, свидетельствует об опасности такого представления.

совокупность практик очищения «устанавливает разделение между миром природы, который был всегда, обществом с его предсказуемыми и неизменными интересами и дискурсом, независимым как от означаемого, так и от общества» (Латур 2006, с. 71). Конкретный дом становится очищенным от связей с внешним миром (как «Культуры», так и «Природы»), а также от своей истории возникновения и трансформаций.

Продолжая проводить параллели между «домом» и «водой», можно сказать, что вода также подвергается практике очищения, локализуется «где-то вовне» (Neimanis 2017, p. 21), в регионе «Природы» и «естественного», что маскирует ее гибридный статус. Хотя вода всегда уже очеловечена: ее потоки направляются и распределяются, химические составы изменяются, а представления о ней структурируют то, как она потребляется и добывается. По мнению Линтона, именно наше представление о «современной воде» привело к интенсификации экологического кризиса (Linton 2010). Для многих жителей больших городов вода так и остается либо абстрактной формулой из учебников, либо доставляется им в препарированном, трансформированном виде: в бутылках на полках супермаркетов или прошедшей через трубы и попавшей (пройдя фильтр) в стаканы дома. Реальное производство воды скрыто — то же самое касается и «еды». Как пишет Кэролин Стил, в доиндустриальную эпоху «дороги были забиты телегами и фургонами с зерном и овощами, речные и морские порты — грузовыми судами и рыбацкими лодками, по улицам и дворам бродили коровы, свиньи и куры. Житель такого города не мог не знать, откуда берется пища: она была вокруг — хрюкала, пахла, путалась под ногами. В прошлом горожане просто не могли не осознавать значение еды в своей жизни. Она присутствовала во всем, что бы они ни делали» (Стил 2014, с. 23). Вместе со становлением и совершенствованием системы животноводства жестокость и масштаб разведения и умерщвления животных был скрыт, в особенности для горожан. Я провожу в этом тексте аналогию между сокрытием производства «воды» или «еды» (которые не просто текут по рекам или бегают по полям, а затем волшебным образом оказываются на столах и полках магазинов) и сокрытием производства «дома» — эти абстрактные фигуры, населяющие наше воображаемое, на деле скрывают свою социоматериальность и связь с конкретными историческими, политическими, экономическими и культурными процессами.

Дома возникают как эффекты пересечений и вложений друг в друга множества инфраструктур и всегда находятся в состоянии риска: изменения в функционировании инфраструктур влекут за собой пересборку домов. Яркий пример такой пересборки видно в исследовании Генделя, который демонстрирует, как дома

в Палестине в ситуации военного столкновения с Израилем выворачиваются наизнанку, а их материальные компоненты полностью меняют свои изначальные функции. Например, наличие крыши в доме приводит к тому, что это здание становится мишенью ракет: «Крыша, вместо того чтобы обеспечивать двойную защиту от непогоды и немедленного уничтожения, делает дом уязвимым для разрушения» (Handel 2019, p. 1055), а внутри стен и дверей домов образуется не приватное, а публичное пространство, поскольку «солдаты воздерживаются от использования дорог, переулков и дворов, продвигаясь вперед и проделывая отверстия в стенах, потолках и полах» (Ibid.). Обычные дороги в ситуации военного конфликта опасны, поэтому дороги прокладываются напрямую через дома, и автор резонно замечает, что подобные смещения границ ставят под сомнение дихотомию дом/бездомность (Handel 2019, p. 1057). Эта дихотомия больше не отражает распределение безопасности и риска, устойчивости и нестабильности, контроля и беспомощности. Здесь можно возразить — конечно, в ситуации военного конфликта дома перестают функционировать, как прежде, однако это лишь временная трансформация. Моя задача — показать, что дома всегда находятся в ситуации трансформации, интенсивность которой может различаться. Именно это позволяет называть дом социоматериальной сборкой — дом собирается из разных материалов и с помощью разных акторов, в том числе нечеловеческих, и такое процессуальное понимание позволяет преобразовать подходы, которые используются в случае решения таких социальных проблем, как бездомность. Одну из версий процессуального понимания дома предлагает Мэри Дуглас, помещая в центр анализа не форму дома и его физические границы, а практики, делающие пространство «домом».

117

Техники дома Мэри Дуглас и одомашнивание пространства

Мэри Дуглас утверждает, что мы не можем отталкиваться от функционального понимания дома (Douglas 1991, p. 288). Дом не является эксклюзивным местом, где можно удовлетворить свои потребности, — отель, школа, библиотека или кофейня предоставляют аналогичные дому возможности (переночевать, находиться в теплом и удобном помещении, питаться, что-то изучать), но делают это гораздо лучше. В этом же тексте Дуглас вводит несколько различий, которые неизбежно возникают в любом тексте о доме. Она пишет: «иметь убежище (shelter) — не значит иметь дом (home) или жилище (house), как и иметь дом (home), не то же самое, что иметь домохозяйство (household)» (Douglas 1991, p. 289).

Для Дуглас «дом» имеет зловещие коннотации. Дом — это техники контроля и синхронизации, организующие принципы, которые структурируют совместную жизнь людей. Она отмечает, что техники дома — это, к примеру, общие обеды или любые совместные практики, когда необходим компромисс, учет интересов каждого, а значит, исчерпывающим образом не учтен ничей интерес (Douglas 1991, pp. 300–303). Если кто-то дома не ест тесто, на общем ужине вряд ли окажется пицца, ее заменят чем-то другим, удовлетворяющим всех. Дом не только устанавливает контроль над вкусами, но и цензурирует речь. Никаких криков, никаких сплетен за спиной других членов семьи, что-то нельзя говорить в присутствии детей, что-то нельзя перед другими родственниками. Она пишет: «Вот так работает дом (home). Даже самые альтруистичные и успешные его версии осуществляют тиранический контроль над телом и разумом. Нам не нужно говорить больше, чтобы объяснить, почему дети хотят покинуть его и не собираются воспроизводить его, когда обустроивают жилище (house)» (Douglas 1991, p. 303).

118

В концептуализации Дуглас «дом» словно нарастает на жилье. Изначально мы имеем просто комнаты и стены, в них можно чувствовать себя по-разному. Мы обживаем пространство, но оно не становится домом в полной мере, пока там не появляется другой. Только другой вызывает ситуацию, когда обитание/проживание перестает зависеть только от тебя. В силу вступают техники синхронизации и контроля, когда повседневные рутины подчиняются новым принципам. Следовательно, нужны как минимум двое, чтобы дом (home) стал нарастать на жилье (house). Обязательно ли этому другому жить с вами вместе в одном пространстве? Вовсе нет, это может быть сосед или кто-то еще, кто заставляет синхронизировать/соотносить свои жизненные ритмы с ним или с ней. К примеру, в одном из исследований соседства авторы опираются на концептуальную рамку Кернса, в которой конституирующими компонентами дома являются возможность быть для человека укрытием, местом автономии и источником социального статуса (Cheshire, Easthope 2021, p. 2). Они демонстрируют, что конфликты и недопонимания с соседями могут приводить к раздомашиванию пространства дома, потери автономии, приватности и безопасности (Ibid.). Если сосед сверху громко исполняет оперные арии, то для того, чтобы почитать книгу, вам все же придется отреагировать: переместиться в другую комнату, надеть наушники или убедить соседа помалкивать.

Дуглас противопоставляет идею «дома» и «отеля». В отеле используются рыночные принципы, и существует возможность покупать себе приватность, в отличие от дома, где ни рыночные принципы, ни выстраивание границ приватности не имеют четких оснований (Douglas 1991, pp. 304–305). Слишком сильная попытка отграничить себя

от других будет означать исключение из общих синхронизированных практик, а экспликация рыночных отношений (например, если отец заявляет, что еда на столе — это его покупка, которую он дарит другим) будет приводить к нарушению принципа маскировки иерархий и идеи коммунальности дома (раз ты купил еду и говоришь об этом, то не сиди на этом стуле, он достался мне от моей бабушки и т. д.).

Здесь возникает проблема. Если дом — это соотношение/соизмерение с другим, т. е. некий принцип отношений, который Дуглас описывает в терминах синхронизации и контроля, то дом может возникнуть *где угодно*. Дом становится спорадическим, ситуативным и полностью отвязывается от физического пространства. Если практики синхронизации и контроля устанавливаются на рабочем месте, то мы можем назвать офисный опен-спейс домом, а если вы живете в большом особняке, где можно долгое время игнорировать и не замечать членов семьи и не синхронизироваться с их практиками, имея полную автономность, то это место, напротив, домом назвать будет нельзя. Несмотря на то что для Дугласа вообще не стоит вопрос об аффективном измерении проживания в пространстве, т. е. «чувстве дома», теоретические модели, которые смещают фокус внимания с самого пространства на ощущение и проживание этого пространства, задействуют ту же идею, что и Дуглас. В таких подходах фокусируются на «чувствах принадлежности, безопасности и ценности» (Samanani, Lenhard 2019, p. 5), которые возникают в доме. Это наполнение субъективным смыслом во многом проявляется через практики индивидуализации, обустройства пространства, работой с материальными объектами, что сдвигает разговор о доме в сторону практик по одомашниванию пространства (homemaking) (Dovey 1985).

119

Как и в случае со спорадической концептуализацией Дугласа, в которой отношения между людьми могут создать дом где угодно, концептуализации дома через практики одомашнивания (homemaking) и раздомашнивания (unmaking home) позволяют любое пространство наделить статусом дома (McCarthy 2020; Cheshire, Easthope 2021). К примеру, в исследовании жизни бездомных женщин в Англии демонстрируется, что в сложных жилищных условиях они используют материальные объекты, чтобы одомашнить пространство, создать чувство контроля над ним и наполнить объекты своим символическим смыслом (McCarthy 2020). Таким образом, потеряв «дом», женщины начинают одомашнивать другое пространство, предоставленное социальными проектами или найденное самостоятельно¹. Если практики одомашнивания понимать

1 Константин Гудков в своем исследовании скрытой бездомности в СССР 1920–1930-х годов на основании архивных документов показывает мно-

как контроль и индивидуацию пространства, то домом становится любое пространство, на которое направлены эти практики.

Выходит, что концептуализации дома как контейнера и дома как практик синхронизации или аффективных проживаний пространства говорят об одном и том же, просто с разными акцентами. В первом случае фокусируются на физических границах дома и том, как меняется пустое пространство, а во втором — на том, почему и с помощью каких практик те или иные пространства становятся для кого-то домом.

Как я показал выше, пространственная трактовка дома основана на идее пустого пространства, которое наполняется культурными/идеологическими смыслами. Однако такое понимание дома несостоятельно, поскольку дом никогда не имел реальной границы с внешним миром, конституируясь на пересечении и столкновении социально-природных инфраструктур. Изменение этих инфраструктур (при природных катаклизмах, изменениях политических режимов, войнах, кризисах, а также переездах, пожарах, изменениях цены на аренду и т. д.) влечет за собой пересборку домов, смещение или инверсию границ между внешним и внутренним, и, как следствие, потерю контроля, безопасности и автономности домашнего пространства. В свою очередь, трактовки дома как практик синхронизации или практик по одомашниванию пространства недостаточно, чтобы уловить специфику становления и трансформации дома, поскольку в такой концептуализации теряется его материальность — домом может становиться что угодно.

120

Пограничные ситуации дома

Дискуссии о том, что считать домом, особенно значимы в контексте исследований бездомности или миграции. Как я отметил выше, концептуализация Дуглас предполагает, что «дом» становится результатом интенсивных взаимодействий человека с другими людьми или материальными объектами. Что в таком случае происходит в ситуации бездомности? Бездомность в академической литературе

жество жилищных ситуаций, которые на тот момент не маркировались термином «бездомность». Хибарки, где «в 11 кв. м жили 6 человек» (Гудков 2024, с. 158), люди, спящие в овощехранилищах, машинистка, которая работает более 12 часов в сутки и вынуждена каждый день искать новое место для ночлега, потому что ей не выделили квартиру, профессор, который проводит научную работу в трамваях и на бульварах и ночует у разных знакомых «по конвейеру» — все эти истории иллюстрируют, что обживать пространство (и даже иметь более или менее стабильную крышу над головой) — еще не значит «иметь дом» (Гудков 2024, с. 158–162).

и в дискурсах НКО противопоставляется ситуации, в которой дом имеется, т. е. бездомность концептуализируется как отсутствие/нехватка дома (Lancione 2023). Интервенции благотворительных организаций, следовательно, заключаются в устранении этой ситуации, т. е. помощи в обретении/создании дома.

Однако такое понимание противоречит концептуализации Дуглас — бездомные люди, как те, кто по европейским классификациям не имеет крыши над головой, так и те, кто имеет крышу над головой, но проживает в небезопасных условиях (Busch-Geertsema 2010), в ее теоретической модели, напротив, имеют дом. Бездомные активно синхронизируются с практиками других людей, им всегда приходится соотносить свои жизни с другими бездомными, благотворительными и государственными службами, прохожими на улице (Langegger, Koester 2016; Smith, Hall 2018). Кроме того, они постоянно могут обживать новые пространства, в том числе и публичные (Vossagni, Duuvendak 2021). Публичные пространства могут активно одомашниваться, а в пространство «дома» могут проникать не-домашние практики. Следовательно, граница дома может не просто являться пористой и гибкой, а вовсе не существовать как граница. Скорее, мы имеем дело с выстраиванием множества границ в разных пространствах, и вопросом становится их соотношение/координация/столкновение (Schneider 2022, p. 242). Те, кого принято называть бездомными (*homeless*), скорее, не имеют жилья (*unhoused*), но практики одомашнивания пространства все равно позволяют им создавать свой дом. Метафора комнат, служащих разным целям, переносится на все пространство: город вместе с его квартирами, приютами, вокзалами — это пространство с множеством комнат, а не что-то внешнее по отношению к квартире.

121

Следствием такой модели концептуализации дома становится парадоксальная ситуация, в которой дом постоянно пересобирается и может возникнуть в любом пространстве, но в то же время противопоставление дома и не-дома аннулируется, поскольку четкую границу дома провести невозможно. Однако, на мой взгляд, эта концептуализация блокирует проблематизацию и рассмотрение различных версий дома, упуская из фокуса то, что дом темпорализируется, становится процессуальным и разворачивающимся достижением (McCarthy 2020, p. 6). Я предполагаю, что темпорализация дома неизбежно приводит к вопросу о последовательностях и трансформациях разворачивания дома, вопросу, который Дуглас игнорирует, приводя в пример только переход от жилища (*house*) к дому (*home*), или наоборот.

Что означает внимание к последовательности, этапности становления или разрушения дома? Я предлагаю рассмотреть этот вопрос на основании двух кейсов. Первый кейс — это исследование домов

мигранток. В исследовании Ольга Бредникова и Ольга Ткач отмечают, что их собеседницы практически не проводили время дома, большую часть дня находясь на работе: дом мигранток «легок, лаконичен и аскетичен», а также «нестабилен и не укоренен» (Бредникова, Ткач 2010, с. 80). Женщины практически не обустроивали дом, часто меняли его, относились к нему функционально и не жаловались на то, что у них нет чувства дома. Дом в такой ситуации просто становится границей между рабочими днями, «Дом — это лишь пространство для отдыха до и после работы, можно даже сказать, что такой Дом — это некая спайка, констелляция места жительства и места работы, когда дом отчасти перемещается, “прирастает” к работе, а работа, напротив, “приходит” домой, например, в виде запасов товара» (Бредникова, Ткач 2010, с. 84).

122

В терминах Дуглас, у мигранток дом либо вообще отсутствует, либо возникает именно на работе, где соотносённость с другими людьми и объектами проявляется интенсивнее всего. Однако в этом случае упускается тот факт, что специфика дома мигранток в России — это следствие их переезда; кроме того, этот новый дом сравнивается с домом на родине, по которому мигрантки тоскуют. Акцент на последовательности процессуального становления дома открывает возможность выявить сложные отношения между опытом миграции и техниками одомашнивания пространства.

В другом исследовании домов мигранток Сергей Абашин указывает, что для одной из собеседниц «дом в Узбекистане остается важным предметом раздумий и надежд, вокруг которого разворачивается вся повседневная интрига отношений с родственниками. Он находится в центре планов на будущее, определяет статус женщины-мигранта, в какой-то мере трудовая миграция совершается ради дома. Вместе с тем дом этот сам по себе тоже остается эфемерным символом, и эта эфемерность заставляет Л. удерживаться в миграции — вернуться ей либо некуда, либо возвращение оказывается проблематичным» (Абашин 2015, с. 156). Говорить о том, что мигрантки просто каким-то образом вступают в отношения с другими акторами и синхронизируются с практиками других людей в определенных пространствах, — значит упускать из внимания конкретную последовательность, где дом в миграции становится особым пространством, которое, с одной стороны, не воспринимается как финальное пространство укоренения, с другой — именно это пространство нового дома позволяет иначе увидеть «родной» дом в Узбекистане, одновременно позволяя отстраиваться от него и питать в отношении него надежды на возвращение или его трансформацию.

Другой кейс — это исследование эффектов кипрского конфликта 1974 года. Турецко-кипрские собеседники и собеседницы исследо-

вателя отмечают в своих нарративах, что не чувствуют себя дома в тех жилищах, которые в результате военного конфликта достались им от греко-киприотов, которые раньше жили там. Однако интересным этот кейс делает длительность этого ощущения: «Я никогда не любила это жилье (house), — сказала одна турецко-кипрская женщина, имея в виду греко-кипрский дом, который был выделен ей и ее семье администрацией для проживания. — Мы живем в нем уже тридцать лет, но нет ощущения, что он наш» (Navaro-Yashin 2009, p. 4). Тридцать лет жить в одном пространстве, но не ощущать себя дома, чувствовать там меланхолию, — женщина не называет это место именно домом (home), но очевидно, что за эти годы ключевые компоненты обретения дома, такие как «поиск ежедневной структуры, регулярных ритмов и построения рутины» (Samanani, Lenhard 2019, p. 10) были соблюдены, что все равно не привело к одомашниванию пространства.

Можно также отметить, что в этом пространстве были возможны приватность и контроль, однако женщина все равно не считает это пространство своим домом. Дом, в котором уже тридцать лет ощущается меланхолия, принадлежал до этого другим людям, которые насильно были его лишены, а для женщины он стал новым пространством, где ей пришлось поселиться. Более того, она не принимала участия в выборе этого дома, поскольку он был выделен администрацией. Только в динамике становления дома и прослеживании событий, изменяющих это становление, можно выявить, что же такое «дом» для этой женщины.

123

Концептуализация вне-домности

В тексте я развиваю аргумент, который в целом сводится к следующему: понимания дома как пустого физического пространства с четкими границами, открытого заполнению/опустошению, как практик синхронизации и аффективных привязанностей или как процесса, а не стабильной и устойчивой сущности, недостаточно для того, чтобы уловить различные версии становления и разрушения дома. Несмотря на то что такие трактовки дома открывают возможность для прослеживания трансформаций дома, они нечувствительны к множественным версиям, которые может принимать дом. В трактовке Дуглас и аналогичных ее концептуализации моделях, которые я рассмотрел выше, внимание, как правило, направлено на две точки континуума: потерю или обретение дома. В случае с концептуализацией дома как контейнера, континуум существует на другом уровне: от опустошения до заполнения физического пространства дома (рис. 1).

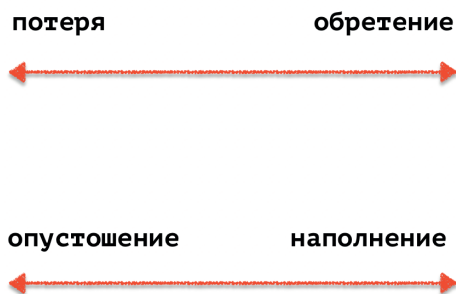

Рис. 1. Два континуума дома
Fig. 1. Two continuums of home

Я считаю, что необходим следующий шаг, на котором внимание будет уделено различным последовательностям становления/разрушения дома. Два континуума дома, изображенные выше, линейны — «дом» можно локализовать в какой-то точке на этих линиях, и в случае изменений эта точка будет перемещаться по линейной траектории, не сохраняя предыдущие воплощения. Однако мне кажется более продуктивным мыслить дом как разворачивающуюся во времени и пространстве сборку, которая меняет степень своей материализации (Сооген 2020), при этом оставляя на будущих версиях свой след. В кейсе с домами мигранток и греко-кипрским домом видно, что именно в разворачивании различных практик открывается специфика одомашнивания/раздомашнивания пространства. Та версия дома, которая существовала до переезда мигранток в другую страну, влияет на то, как осуществляется новая версия. Точно так же с греко-кипрским примером: женщина не чувствует себя «как дома» в новом пространстве. В таком случае нет задачи сталкивать концептуализации дома, которые акцентируют внимание на его материальных аспектах, с концептуализациями дома как нарративными практиками, где дом строится «слово за словом, предложение за предложением, история за историей» (Bieger 2015, p. 34), или как воспоминаниями и грезами, где «дома, где нам довелось грезить, возвращаются и возникают в нашей новой грезе» (Башляр 2014, с. 43). Башляровская идиллическая картина дома как безопасной и уютной «страны незыблемого детства» (Башляр 2014, с. 42–43) может столкнуться с другими домами, странами незыблемого насилия и страха (Price 2002; McCarthy 2018; Cheshire, Easthope 2021). И материальные конструкции, и нарративы, и грезы должны быть наделены агентностью, поскольку они способны собираться для нас в дом, воздействуя на свои другие компоненты. Короче говоря, дом не статичен, не за-

фиксирован в прошлых воспоминаниях, грезях о будущем, или в материальных конструкциях, где люди спят и завтракают, — он собирается из разных компонентов и не может рассматриваться просто как существующий (или нет) у человека.

В своей работе «Логика заботы» Аннмари Мол предлагает термин «пациентизм», по аналогии с феминизмом, в который она вкладывает идею мыслить фундаментальной и основополагающей жизнь с болезнью, а не «нормальную» и «здоровую» жизнь, в противовес которой возникает «болезнь»: «Он не стремится к равенству между “больными” и “здоровыми людьми”, а пытается установить в качестве стандарта жизнь с болезнью, а не “нормальность”» (Mol 2008, p. 31). Я предлагаю проделать то же самое с дихотомией дом/бездомность. В исследованиях о доме и бездомности либо стартуют с идеи, что у всех есть дом, либо развивают во многом романтизированную идею, что все люди являются бездомными (т. е. в центре опять понятие «дом», просто бездомность определяется апофатически как отсутствие дома). Я же предлагаю модифицировать идею Мол и предложить термин «вне-домность». Моя стартовая точка — это утверждение, что каждый человек является уязвимым и вне-домным, все мы «рождаемся беспомощными, абсолютно уязвимыми существами, нуждающимися в других» (Noddings 2002, p. 441). Вместо термина «бездомность» как изнанки ситуации, в которой у человека дом есть, я предлагаю мыслить любого человека как находящегося в ситуации вне-домности, то есть существующего в тесной связке с домом¹, но не мыслимого обязательно как обладающего домом или лишенного дома. Вне-домность — это ситуация, в которой любому человеку нужно выстроить свои отношения с различными сборками, которые обычно мыслятся как «дом».

125

Если понимать дом как процесс, как нечто разворачивающееся темпорально, дом нельзя просто иметь или просто терять. Внедомность означает, что дом как процесс может случаться, длиться, прерываться, заканчиваться, возвращаться, трансформироваться, временно застывать. Слово «процесс» не означает, что речь идет о чем-то эфемерном. В логике акторно-сетевой теории дом будет пониматься как социоматериальная сборка, то есть сочетание актантов (действующих сил), например, квартир, предметов мебели, палаток, машин, людей, животных и т. д. Сочетание, столкновение, пересборка этих компонентов происходит постоянно, хотя может иметь сравнительно долгую устойчивость, что, однако, не означает

1 Как конструкции, где сплетены воспоминания, мечты, образы из фильмов и книг, ощущения, политические дискурсы, опыт проживания и т. д.

неизменности. Задачей по исследованию вне-домности станет поиск модусов упорядочивания¹, которые задействуются человеком для сборки дома.

Дом, как и бездомность — эффекты, результаты работы множества акторов, в том числе социальных наук, конструирующих эти феномены как эпистемические объекты, и социальных организаций, которые концептуализируют эти феномены как желаемые результаты (обретение дома) или как проблемы для решения (бездомность). Если понимать дом как процесс, то это смещает акцент на его воспроизводимость и изменчивость. Следовательно, нормативное понимание того, как дом должен быть создаваем, можно оспорить и изменить (Lancione 2023, p. 27).

Заключение

126

В статье я рассматриваю различные концептуализации дома, где он трактуется как физическое пространство или как соотношение с другими и установление синхронизационных и контролирующих практик в пространстве. Концептуализация дома как физического места базируется на идее пустого пространства, которое наполняется/опустошается, однако я указываю, что такая трактовка некорректна и не учитывает, что дома как пустого пространства никогда не существует: он всегда является результатом серии трансформаций и смещений, возникая на пересечении работы различных инфраструктур². Это уже противоречит идее четко очерченного пространства дома, которое ограждает субъекта от внешнего мира и обеспечивает онтологическую безопасность. Далее в статье я демонстрирую, что иные концептуализации дома, например, через практики одомашнивания, приводят к парадоксам, где бездомные люди становятся парадигмальным примером людей, которые имеют дом (или, вернее будет сказать, практикуют дом). Кроме того, парадокс концептуализации Мэри Дуглас и альтернативных концептуализаций через понятие аффекта заключается в том, что дом одновременно противопоставляется жилищу/шелтеру/отелю/домохозяйству, но при этом может возникнуть в любом пространстве (в т.ч. и в отеле, где люди мо-

1 Джон Ло определяет модусы упорядочивания как «повторяющиеся паттерны, воплощенные в человеческих и нечеловеческих отношениях, наблюдаемые ими, порождаемые ими и воспроизводимые как часть их упорядочения» (Law 1993, p. 83).

2 Важно отметить, что речь в статье идет преимущественно о концептуализации «городских» домов. Отдельного рассмотрения требует «сельский» дом, который, предположительно, находится в более явном состоянии непрекращающейся пересборки.

гут жить долгие годы). Моя гипотеза состоит в том, что концептуализации, в которых дом темпорализируется, не учитывают тот факт, что ключевым становится рассмотрение трансформаций и изменений, которые сопутствуют разворачиванию дома. На кейсах нескольких исследований я показал, в чем проявляется слабость концептуализации дома как процесса без учета связки версий дома с прошлыми и желаемыми будущими его версиями. Наконец, я набросал вариант концептуализации понятия вне-домности, которое я хочу предложить вместо дихотомии дом/бездомность. Вне-домность смещает разговор от обладания/потери дома к выстраиванию различных версий дома, где дом становится динамическим осуществлением (Мол 2017). Дальнейшие исследования роли и осуществления дома в ситуациях миграции или бездомности могут базироваться на понятии вне-домности, которое акцентирует внимание на последовательности взаимодействий между человеческими и нечеловеческими акторами, собирающими различные версии дома. Такой подход позволит с одинаковой серьезностью относиться как к материальным условиям жизни человека в уязвимой ситуации, так и к его воспоминаниям, мечтам, ритуалам, способам обживать пространство, представлениям об уюте и безопасности. Кроме того, понятие вне-домности предполагает, что дом нельзя «обрести» раз и навсегда — многие проекты НКО для помощи бездомным видят конечную цель в том, чтобы предоставить человеку жилье, что является проблематичной позицией. Даже после обретения жилья многие люди могут возвращаться на улицу, что демонстрирует ошибочность сведения дома к физическому пространству, о чем я уже писал выше. Многие НКО и исследователи признают, что проблема бездомности, кажется, вообще не может быть решена окончательно, однако под этим понимается идея о невозможности обеспечить всех людей (в стране; в мире) физическим жильем. Аргумент, который я отстаиваю в тексте, состоит в том, что даже при гипотетическом обеспечении всех людей на планете физическим жильем (что было бы, безусловно, отличной идеей), тот спектр проблем, который возникает при разговоре о бездомности или миграции, не был бы решен раз и навсегда. Какое это будет жилье? Где оно будет находиться? Как и кем оно будет распределяться? Кто и в каких конфигурациях там будет жить? Будет ли оно безопасным, комфортным, красивым? Что произойдет, если по каким-либо причинам человек снова его лишится? Термин «вне-домность», к разработке которого я предлагаю обратиться, означает, что после обретения физического жилья процесс сборки дома не прекращается и требует исследовательского внимания, а не фиксации ситуации как успешной интервенции в борьбе с бездомностью.

Финансирование / Funding

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Список источников / References

Абашин С. (2015) Возвращение домой: Семейные и миграционные сценарии в Узбекистане. *Ab Imperio*, 2015(3), с. 125-165. EDN: XRXFET.

— Abashin S. (2015) Returning home: Family and migration scenarios in Uzbekistan. *Ab Imperio*, 2015(3), pp. 125-165. (in Russ.)

Байбакова Д. А., Гаринова К. А. (2024) Что известно о бездомности в России. *Пути России*, 2(4), с. 215-257. EDN: LBRZYK.

— Baibakova D. A., Garinova K. A. (2024) What is known about homelessness in Russia *Russia's Directions*, 2(4), pp. 215-257. (in Russ.)

Башляр Г. (2014) *Поэтика пространства*. Ad Marginem.

— Bachelard G. (2014) *The poetics of space*. Ad Marginem. (in Russ.)

Бредникова О., Ткач О. (2010) Дом для номады. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 2(3), с. 72-95. EDN: UERESB.

— Brednikova O., Tkach O. (2010). Home for a nomad. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2(3), pp. 72-95. (in Russ.)

Бурдые П. (2001) *Практический смысл* / А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко, пер.; Н. А. Шматко, ред. СПб.: Алетейя.

— Bourdieu P. (2001) *Practical reason* (A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, & N. A. Shmatko, Trans.; N. A. Shmatko, Ed.). St. Petersburg: Aleteya. (in Russ.)

Бурдые П. (2005) *Социология социального пространства* (Н. А. Шматко, ред.). СПб.: Алетейя.

— Bourdieu P. (2005) *Sociology of social space* (N. A. Shmatko, Ed.). St. Petersburg: Aleteya. (in Russ.)

Гофман И. (2000) *Представление себя другим в повседневной жизни*. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле.

— Goffman E. (2000) *The presentation of self in everyday life*. Moscow: Kanon-press-C; Kuchkovo Pole. (in Russ.)

Гудков К. М. (2024) Бездомность в эпоху конструктивизма. *Пути России*, 2(4), с. 155-181. EDN: ZTJVIF.

— Gudkov K. M. (2024) Homelessness during Constructivism. *Russia's Directions*, 2(4), pp. 155-181. (in Russ.)

Дуденкова И. В. (2024) Поэтика и политика дома. *Пути России*, 2(4), с. 204–213. EDN: CAFDMB.

— Dudenkova I. V. (2024) The poetics and politics of home. *Russia's Directions*, 2(4), pp. 204–213. (in Russ.)

Казакова А. Ю. (2020) Модель Housing First в западной социальной политике преодоления бездомности. *Журнал исследований социальной политики*, 18(2), с. 357–367. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-357-367>

— Kazakova A. Yu. (2020) The Housing First model in Western social policy of overcoming homelessness. *The Journal of Social Policy Studies*, 18(2), pp. 357–367. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-357-367> (in Russ.)

Колотилова Т. В. (2024) Социальная топология релокации: гомеоморфные и негомеоморфные преобразования «дома». *Пути России*, 2(4), с. 183–203. EDN: HQZAWI.

— Kolotilova T. V. (2024) The social topology of relocation: Homeomorphic and non-homeomorphic transformations of “home”. *Russia's Pathways*, 2(4), pp. 183–203. (in Russ.)

Коннелл Р. (2015) *Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика* (Т. Барчунова, пер.; И. Тартаковская, ред.). М.: Новое литературное обозрение.

— Connell R. (2015) *Gender and power: Society, the person and gender politics* (Т. Bar-chunova, Trans.; I. Tartakovskaya, Ed.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

Коннелл Р., Тезина Е., Кисленко И. (2023) Каноны и колонии: глобальный путь развития социологии. *Социологическое обозрение*, 22(3), с. 219–236. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-219-236>

— Connell R., Tezina E., Kislenko I. (2023) Canons and colonies: The global trajectory of sociology. *Russian Sociological Review*, 22(3), pp. 219–236. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-219-236> (in Russ.)

Куракин Д. (2020) Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека». *Социологическое обозрение*, 19(3), с. 167–231. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-167-231>

— Kurakin D. (2020) The tragedy of inequality: Dehumanizing the “total person”. *Russian Sociological Review*, 19(3), pp. 167–231. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-167-231> (in Russ.)

Левинас Э. (2004) Гуманизм и анархия. В Э. Левинас, *Избранное: Трудная свобода*. М.: РОССПЭН.

— Levinas E. (2004) Humanism and anarchy. In E. Levinas, *Selected works: Difficult freedom*. Moscow: ROSSPEN. (in Russ.)

Мол А. (2017) *Множественное тело: Онтология в медицинской практике* (Cube of Pink, пер.; А. Писарев, С. Гавриленко, ред.). Пермь: Гиле Пресс.

— Mol A. (2017) *The body multiple: Ontology in medical practice* (Cube of Pink, Trans.; A. Pisarev, S. Gavrilenko, Eds.). Perm: Gile Press. (in Russ.)

Моссе Д. (2023) *Образ мужчины: История современной маскулинности* (Н. Мазур, пер.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Mosse G. (2023) *The image of man: The creation of modern masculinity* (N. Mazur, Trans.). St. Petersburg: European University Press. (in Russ.)

Стил К. (2014) *Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь* (пер. с англ.). М.: Strelka Press.

— Steel C. (2014) *Hungry city: How food shapes our lives* (Trans. from English). Moscow: Strelka Press. (in Russ.)

Филиппов А. (2009) Пустое и наполненное: трансформация публичного места. *Социологическое обозрение*, 8(3), с. 16–29. EDN: LAIQKT.

— Filippov A. (2009) Empty and full: Transformation of public space. *Russian Sociological Review*, 8(3), pp. 16–29. (in Russ.)

Шилова Н. В. (2025) Жилищный стресс: определение и оценка при разработке жилищной политики. *Пути России*, 3(2), с. 102–111. EDN: WPGRWW.

— Shilova N. V. (2025) Housing stress: Definition and assessment in housing policy development. *Russia's Directions*, 3(2), pp. 102–111. (in Russ.)

Хуэй Ю. (2025) *Пост-Европа*. М.: Ad Marginem.

— Hui, Y. (2025) *Post-Europe*. Moscow: Ad Marginem. (in Russ.)

Ahmed S. (1999) Home and away: Narratives of migration and estrangement. *International Journal of Cultural Studies*, 2(3), pp. 329–347. <https://doi.org/10.1177/136787799900200303>

130

Bieger L. (2015) No place like home; or, dwelling in narrative. *New Literary History*, 46(1), pp. 17–39.

Boccagni P., Duyvendak J. W. (2021) Homemaking in the public: On the scales and stakes of framing, feeling, and claiming extra-domestic space as “home.” *Sociology Compass*, 15(6), pp. 1–14. e12886. <https://doi.org/10.1111/soc4.12886>

Busch-Geertsema V. (2010) Defining and measuring homelessness. In *Homelessness Research in Europe: Festschrift for Bill Edgar and Joe Doherty* (pp. 19–39). FEANTSA.

Cheshire L., Easthope H., ten Have C. (2021) Unneighbourliness and the unmaking of home. *Housing, Theory and Society*, 38(2), pp. 133–151. <https://doi.org/10.1080/14036096.2019.1705384>

Connell R. W. (1997) Why is classical theory classical? *American Journal of Sociology*, 102(6), pp. 1511–1557. <https://doi.org/10.1086/231125>

Cooren F. (2020) Beyond entanglement: (Socio-)materiality and organization studies. *Organization Theory*, 1(3). DOI:10.1177/2631787720954444

Dovey K. (1985) Home and homelessness. In I. Altman, C. M. Werner (Eds.), *Home environments* (pp. 33–64). Springer US. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-2266-3_2

Douglas M. (1991) The idea of a home: A kind of space. *Social Research*, 58(1), pp. 287–307.

Handel A. (2019) What’s in a home? Toward a critical theory of housing/dwelling. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 37(6), pp. 1045–1062. <https://doi.org/10.1177/2399654418819104>

Höjdestrand T. (2005) *Needed by nobody: Homelessness and humanness in post-socialist Russia*. Cornell University Press.

- Kaika M. (2004) Interrogating the geographies of the familiar: Domesticating nature and constructing the autonomy of the modern home. *International Journal of Urban and Regional Research*, 28(2), pp. 265–286. DOI:10.1111/j.0309-1317.2004.00519.x
- Lancione M. (2023) *For a liberatory politics of home*. Duke University Press.
- Langegger S., Koester S. (2016) Invisible homelessness: Anonymity, exposure, and the right to the city. *Urban Geography*, 37(7), pp. 1030–1048. DOI:10.1080/02723638.2016.1147755
- Law J. (1993) *Organising modernity: Social ordering and social theory*. Wiley-Blackwell.
- Law J. (2002) Objects and spaces. *Theory, culture & society*, 19(5-6), pp. 91–105. <https://doi.org/10.1177/026327602761899165>
- Linton J. (2010) *What is water?: The history of a modern abstraction*. UBC Press.
- Mallett S. (2004) Understanding home: A critical review of the literature. *The Sociological Review*, 52(1), pp. 62–89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2004.00442.x>
- McCarthy L. (2020) Homeless women, material objects and home (un)making. *Housing Studies*, 35(7), pp. 1309–1331. <https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1659235>
- Meehan K. et al. (2023) Homelessness and water insecurity in the Global North: Trapped in the dwelling paradox. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Water*, 10(4), pp. 1–11, e1651. <https://doi.org/10.1002/wat2.1651>
- Mol A. (2008) *The logic of care: Health and the problem of patient choice*. Routledge.
- Navaro-Yashin Y. (2009) Affective spaces, melancholic objects: Ruination and the production of anthropological knowledge. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 15(1), pp. 1–18. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2008.01527.x>
- Neimanis A. (2017) *Bodies of water: Posthuman feminist phenomenology*. Bloomsbury Academic.
- Noddings N. (2002) Caring, social policy, and homelessness. *Theoretical Medicine and Bioethics*, 23(5), pp. 441–454. <https://doi.org/10.1023/A:1021385717732>
- Price J. M. (2002) The apotheosis of home and the maintenance of spaces of violence. *Hypatia*, 17(4), pp. 39–70. <https://doi.org/10.2979/HYP.2002.17.4.39>
- Samanani F., Lenhard J. (2019) House and home. In F. Stein, S. Lazar, M. Candea, H. Diemberger, J. Robbins, A. Sanchez et al. (Eds.), *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.29164/19home>
- Schneider L. T. (2022) “My home is my people” homemaking among rough sleepers in Leipzig, Germany. *Housing Studies*, 37(2), pp. 232–249. <https://doi.org/10.1080/02673037.2020.1844157>
- Smith R. J., Hall T. (2018) Everyday territories: Homelessness, outreach work and city space. *The British Journal of Sociology*, 69(2), pp. 372–390. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12280>
- Somerville P. et al. (1992) Homelessness and the meaning of home: Rooflessness or rootlessness? *International Journal of Urban and Regional Research*, 16(4), pp. 529–539. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.1992.tb00194.x>
- Stephens E. (2014) Feminism and new materialism: The matter of fluidity. *InterAlia: Pismo poświęcone studiom queer*, (9), pp. 186–202. <https://doi.org/10.51897/interalia/BOSZ9092>

Sultana F. (2009) Fluid lives: Subjectivities, gender and water in rural Bangladesh. *Gender, Place & Culture*, 16(4), pp. 427–444. <https://doi.org/10.1080/09663690903003942>

Woodhall-Melnik J. R., Dunn J. R. (2016) A systematic review of outcomes associated with participation in Housing First programs. *Housing Studies*, 31(3), pp. 287–304. <https://doi.org/10.1080/02673037.2015.1080816>

Об авторе / About the author

Мальков Максим Дмитриевич — MA in Sociology, приглашенный преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ, Москва. Научные интересы: социальная теория, социология заботы, исследования бездомности, акторно-сетевая теория, социальная политика, гендерные исследования, социология социологии. <https://orcid.org/0009-0008-2495-1923>. E-mail: mmalkov@hse.ru

Maksim D. Malkov — MA in Sociology, guest lecturer at the National Research University Higher School of Economics, postgraduate Student, research intern at the International Laboratory for Social Integration Research of the National Research University Higher School of Economics, lecturer at MSSSES (Moscow Higher School of Social and Economic Sciences), Moscow. Research interests: social theory, sociology of care, homelessness studies, actor-network theory, social policy, gender studies, sociology of sociology.

<https://orcid.org/0009-0008-2495-1923>. E-mail: mmalkov@hse.ru